

ВОЗМЕЗДИЕ ЗА ЛЮБОВЬ

«Люба.
Любочка. Любушка.
Если Люба наконец
поймет, в чем дело,
ничего не будет.
Мне кажется, что
Любочка не поймет.
У Любочки щечки
побледнели.
Пушок на личике.
Золотистый.
Глазки открылись.
Волосы растрепаны.
Совсем беспомощная
— слабенькая».

**Шахматове.
В мансарде — А. Блок,
на террасе — его мать,
Александра Андреевна**

Подверженный приступам
беспричинной ярости,
сжав кулак, отец бил свою
18-летнюю жену Сашеньку
обручальным кольцом по лицу

Блок закрыл дневник и задумчиво посмотрел на портрет невесты. Тонкие, едва заметные светлые брови сдвинулись, и на высоком лбу, обрамленном тугими кудрями, пролегла страдальческая морщинка. Ровно через месяц они с Любой поженятся, но на душе неспокойно. Этим летом в Шахматове ему стали сниться тревожные сны. Землетрясение, конец мира, небеса падают рядами, и они с Любой бегут куда-то... Теперь он во всем ищет символ грядущего. Что их ждет? Откуда эти дурные предчувствия? Ведь последние четыре года только и мечтал быть с ней рядом...

Детьми они часто гуляли вместе в сопровождении нянь. Любин отец Дмитрий Иванович Менделеев, проходя в дом друга, ректора Петербургского университета Андрея Николаевича Бекетова — Сашиного деда, прогласно вопрошал с порога: «Ваш принц что делает? А наша принцесса пошла на прогулку!» Мать рассказывала: прохожие на набережных часто оборачивались, любуясь прелестными детьми. Но его память не сохранила ни прохожих, ни облика маленькой девочки годом моложе его. Тогда Сашу больше занимали парусники из дерева и картона, которые он пускал по воде. С детства его окружали одни женщины: бабушка, прабабушка, мать, тетки, няня, во всем потакавшие любимцу. Твердой мужской руки Саша не знал — мать оставила отца еще до его рождения. Красавец Александр Блок, талантливый юрист и социолог, в семейной жизни оказался ревнивым и угрюмым человеком. Подверженный приступам беспричинной ярости, сжав кулак, он бил свою 18-летнюю жену Сашеньку обручальным кольцом по лицу. Неудивительно, что мать вернулась в родительский дом и с тех пор всю любовь отдавала маленькому Сашуре. И вот сын вырос, но мать по-прежнему остается его самым близким другом; только ей одной он может поверить свои самые сокровенные мысли, поделиться сомнениями и печалью. Дня не проходит, чтобы

Саша Блок с собакой Дианкой
(Шахматове, 1894 г.)

Люба оказалась совершенно неискушенной в любовных делах. Когда они впервые поцеловались, Блок почувствовал лишь неловкость

он не посоветовался с матерью. Но в сложившейся ситуации она вряд ли сможет помочь...

Люба оказалась совершенно неискушенной в любовных делах. Когда они впервые поцеловались, Блок почувствовал лишь неловкость. Он прекрасно помнит тот знаменательный день — 7 ноября 1902 года. После вечера в Дворянском собрании они с Любой вышли на улицу и, не

заранее написал записку: «В моей смерти прошу никого не винить». Люба сохранила этот листок с расплывшимися от падавшего снега чернилами. Потом он провожал ее домой. В санях Люба повернулась к нему и подставила губы для поцелуя. Вышло как-то очень по-книжному — видно, читала о чем-то похожем в романе. Этот морозный поцелуй сковал его холодом.

Любино неведение в отношении брака оказалось безграничным: в 22 года девушка не имела ни малейшего представления о том, как появляются дети, боялась их и не хотела замужества. Саша успокоил ее, заверив, что детей у него никогда не будет — Люба была для него Светлой Девой и Душой Мира, воплощением Вечной Женственности (в то время Блок увлекался мистицизмом). Он считал, что смотреть на любимую — и то дерзость, потому что он — груб и он — мужчина.

Чувственность проснулась в Саше лет в пятнадцать, и во взрослую жизнь рано созревшего гимназиста ввела случайная, безликая женщина, купленная за деньги. Через год на водах в Германии, куда Александр сопровождал мать, он познакомился с Ксенией Садовской, замужней дамой десятью годами старше его, которая стала предметом его первой любви — роман протекал в приятной атмосфере курортного городка и вдали от обязательств. Ее малороссийская красота, щегольские туалеты и смелое кокетство поразили воображение юноши. Ксения заговорила с ним первая, и Александр стал пропадать у нее целыми днями, немало беспокоя мать. Но и первой влюбленности, насколько Блок помнил, сопутствовало сладкое отвращение к интимной близости. Он решил тогда, что, наверное, ему не следует сходиться с очень красивой женщиной, надо избирать для этого только дурных собой. И все-таки продолжал иногда встречаться с Садовской в Петербурге и ходить в меблированные комнаты, когда низменное желание пересиливало страсть к Любе. неизбежное следствие этих походов — болезнь, хорошо еще, не очень серьезная. В очередной раз Алек-

сговариваясь, молча пошли по Итальянской к Моховой и Литейному — своим любимым улицам. Была морозная ночь; снег лежал большими сугробами, глубокий и чистый. Когда подходили к Фонтанке, Блок заговорил о том, о чем не решался сказать прежде: что он ее любит и его судьба зависит от ее ответа. Если бы Люба ответила отказом, Александр собирался покончить с собой, даже

Слева направо: А. Блок, его тетя М.А. Бекетова, дед А.Н. Бекетов, мать Блока, внизу — отчим Блока Ф.Ф.Кублицкий-Пиоттух, сзади — брат деда И.Н. Бекетов, брат отчима(?) (Шахматове, 1894 г.)

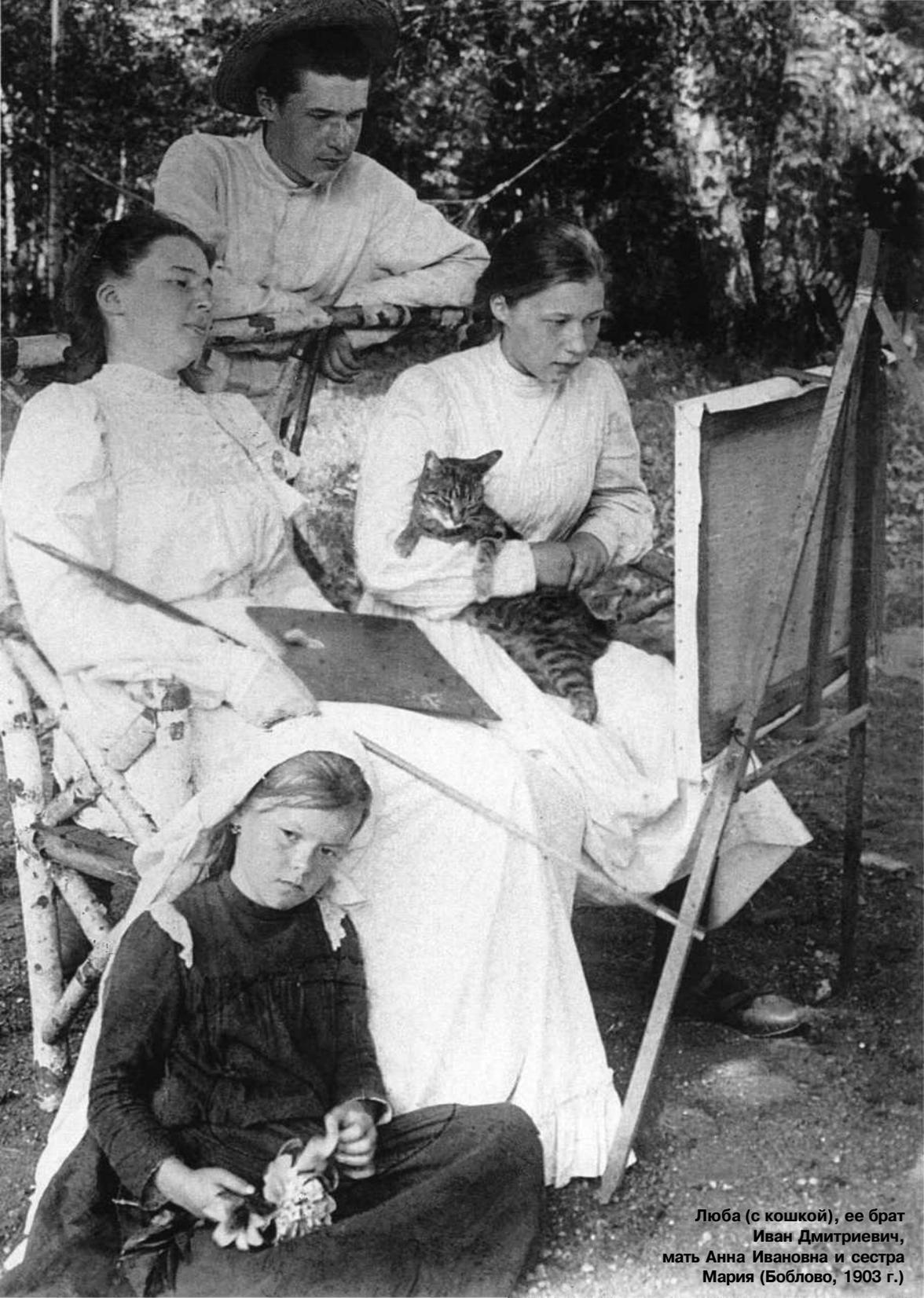
Поздним вечером Люба сидела за туалетом перед зеркалом. Они с Сашей женаты уже больше года, но он пока не стал ей мужем по-настоящему

сандр обнаружил ее симптомы сразу после того решительного объяснения. Он сказал Любе, что у него жар и поэтому они не могут видеться. Унизительное лечение доставляло много мук. Все, что связано с плотью, каза-

лось ему темным и низким. Блок был уверен: близость с Любой не должна сводиться к вульгарным формам, это только помешает установлению душевной гармонии. «Дракона похоти» надлежит низвергнуть в бездну, что-

бы установить торжество истинной, вечной и святой любви! Поймет ли его Люба?

День свадьбы 17 августа 1903 года выдался дождливым. Букет для невесты, заказанный в Москве, не поспел вовремя, пришлось составлять на месте. Жених срезал в цветнике все крупные розовые астры — получилась огромная охапка. Прибыла нанятая тройка — кони красивые, рослые, светло-серые; дуга украшена лентами. На козлах скалил в улыбке зубы молодой шеголеватый ямщик. Под морозящим дождичком отправились в Боблово, соседнее с Шахматовым имение Менделеевых. Венча-

Люба (с кошкой), ее брат
Иван Дмитриевич,
мать Анна Ивановна и сестра
Мария (Боблово, 1903 г.)

**Первая любовь 16-летнего Александра Блока
Ксения Михайловна Садовская**

Вечером Саша распекал жену за грубость. Люба убеждала себя, что, поскольку муж — человек необыкновенный, их жизнь не может быть простой

ние проходило в старой сельской церкви неподалеку. Люба в белом батистовом платье с длинным шлейфом и фате с померанцевыми цветами была дивно хороша. Рядом с невестой Блок чувствовал себя неуютно — купленное специально для церемонии штатское платье казалось ему уродливым и дешевым. Ярко блестящие серебряные венцы (а не золотые, как в городе) новобрачным

надели по-старинному обряду прямо на головы. Родители плакали, Люба сияла, а Блок стоял неподвижно и был еще прямее и строже, чем обычно. Свершилось! Отныне все будет хорошо...

...Поздним вечером, когда в доме все улеглись, Люба сидела за туалетом перед зеркалом, на разные лады причесывая и рассыпая волосы. Они с Сашей женаты уже больше года, но

он пока не стал ей мужем по-настоящему. Сразу после свадьбы Саша начал рассуждать о том, что им не нужна физическая близость, что это «астартизм» и прочие пережитки. Напрасно Люба убеждала мужа, что хочет познать этот новый, пока неведомый ей мир, — в ответ он твердил одно и то же: такие отношения не могут быть длительными, он неизбежно уйдет от нее к другим. «А я?» — спрашивала Люба. «И ты тоже уйдешь», — жестко отвечал он, лишая ее иллюзии своей единственности. В такие вечера Люба с бурным отчаянием рыдала и думала: хорошо, что она не наделена южным темпераментом, иначе ненормальные супружеские отношения уже довели бы ее до истерии. А темперамент северянки — как замороженное шампанское: его искрящийся огонь до времени скрыт.

Уложив волосы, Люба надела прямо на голое тело свадебное платье и, глядя в зеркало, пожалела, что нельзя в таком виде показаться на балу. Сквозь тонкую ткань проступали плавные линии девичьей фигуры. Ей захотелось рассмотреть себя повнимательнее, и, сбросив платье, она залюбовалась своим отражением. Бархатистая кожа, не тронутая загаром, упругое тело — мягкое и гибкое. Длинные ноги, тонкая талия и едва расцветшая грудь, конечно, далеки от античных канонов, но все равно весьма соблазнительны своей холемостью. Почему же у Сашы исчезло влечение к ней? Да и было ли оно когда-нибудь? Помнится, она чуть не порвала с Блоком, когда прочитала его стихи о Прекрасной Даме. Саша видел в жене какой-то выдуманный, отвлеченный идеал, а она — живая женщина. Дочь великого ученого воспитывали в уважении к опыту и факту, поэтому любая мистика ей претила. Но в иные моменты — Люба вспоминала их в горькие минуты — она чувствовала единение с Сашей.

... 17-летний Блок появился у них в Боблове летом 1898 года и почти сразу стал ухаживать за Любой. Поначалу юноша показался ей напыщенным фатом: изъяснялся парадоксами, картинно курил. В то время Блок мечтал об актерстве. Решили для родственников и окрестных крестьян поста-

Неужели их брак — все-таки ошибка? Оба не могли забыть несчастливый знак — мертвого щегленка в траве у края липовой аллеи

**16-летняя Люба Менделеева
в домашней постановке «Гамлета»
играла Офелию (Боблово, 1898 г.)**

вить Шекспира; Саша играл Гамлета, Люба — Офелию. В вечер представления, пока готовили сцену, они сидели за кулисами: Саша — у ее ног в черном берете, со шпагой; Люба — в венке, с распущенными волосами ниже колен и букетом полевых цветов в руках. Говорили о чем-то более личном, чем обычно, но главное — смотрели друг другу в глаза и были ближе, чем просто актерствующий фронт и строгая светская барышня. Неужели их брак — все-таки ошибка? Оба не могли забыть несчастливый знак — мертвого щегленка, лежавшего в траве у края липовой аллеи в Шахматове, по которой они прогуливались. При каждом повороте яркое пятнышко перышек мертвой птички тревожило душу обреченностью...

Нелады со свекровью дают лишний повод для семейных ссор. Нервы Александры Андреевны расшатаны — она страдает эпилептическими припадками, осложненными сердечной болезнью, а потому часто не в духе. Она по привычке вмешивается во все домашние дела. Однажды утром влетела в комнату невестки с криком: «Люба, ты беременна!» «Нет, я знаю наверняка, что этого не может быть», — запротестовала Люба. «Зачем ты скрываешь, я сдавала в стирку твоё белье, ты беременна!» — продолжала настаивать Александра Андреевна. Представив, как свекровь разглядывает ее панталончики, — а ведь есть и старенькие, штопаные! — Люба покраснела от смущения и надерзила: «Это означает только, что в мое время девушки более чистоплотны, чем были в ваше!» Вечером Саша распекал ее за грубость. Люба убеждала себя, что, поскольку муж — человек необыкновенный, их жизнь не может быть простой. Иногда ей хотелось быть его верной собакой Дианкой, кроткой и послушной, окружить Сашу нежной любовью, тихой и незаметной, чтобы он был счастлив; баловать его больше, чем мать. А порой в голову закрадывалась крамольная мысль: все-таки жаль, что Блок — для славы, а она — только для него...

Александр и сам не понимал, как это произошло. Видно, у Любы давно зрел план его соблазнения...

Иногда Любе хотелось быть его верной собакой Дианкой, кроткой и послушной, окружить Сашу нежной любовью, чтобы он был счастлив. А порой в голову закрадывалась крамольная мысль: все-таки жаль, что Блок — для славы, а она — только для него... 1903 г.

После случившегося на душе было скверно, как никогда. К его облегчению, к весне 1906 года редкие краткие моменты близости сошли на нет. Тем же летом Люба безответственно вскружила голову другу дома поэту Андрею Белому — Борису Бугаеву. Вероятно, Боря почувствовал, что в их браке есть какая-то ложь; умолял ее порвать с мужем, собирался продать имение и отправиться с Любой в кругосветное путешествие, о чем она всегда мечтала.

Странно подчас складываются судьбы. При первом знакомстве в январе 1904 года все трое друг другу не понравились: суетливый многословный Борис показался Блокам утомительным и излишне навязчивым, а Белый не мог поверить: неужели этот статный юноша с румянцем на щеках — поэт, а не военный; а его молчаливая чопорная супруга и есть та

самая Прекрасная Дама, которой поклонялась вся московская молодежь? Разочарование было столь велико, что после ухода супружеской четы Белый воскликнул: «Да ведь он — морковь, а жена его — репа!» и невесело рассмеялся. Однако со временем их дружба крепла, поклонение Любе приобретало все более изощренные формы (по тому, как и во что Люба одета, Белый гадал о будущем). Теперь Боря забрасывал Блока совершенно безумными письмами. Но Люба сама виновата: один день признавалась Борису, что любит его... и мужа; через день — не любит обоих; потом — что любит Борю как сестра, а Сашу — «по-земному»; на четвертый день — все наоборот... Окончательно запутавшись, она рассказала обо всем Александре Андреевне и Саше; дело чуть не дошло до дуэли. Блок понимал: Любе хочется любви,

но не мог избавиться от смешанного чувства досады, жалости и гадливости. Потом начались совсем уж глупые, пошлые Любины измены — с писателем Георгием Чулковым, с каким-то мелким поэтом — со слезами, сценами а-ля Достоевский (Люба как раз заканчивала драматические курсы и готовилась стать актрисой) и тайными встречами в ресторанчике на островах с вульгарными отдельными кабинетами.

Блок прекрасно знал атмосферу подобных заведений. Сам он в эту зиму предпочитал напиваться под граммофон на Гороховой или на углу Большого и 1-й линии, а то и вовсе в жалком притоне на окраине города. Пил коньяк после водки и белого вина. Пьянство — самый распространенный, самый прямой русский путь, даже если идешь от кабака к кабаку зигзагами. Он ходил в самые от-

вратительные места, где хулиганы бьют фонари, а тусклые окна прикрыты сальными занавесочками, и замечал только больное и гадкое: девочку, зашедшую в чахоточном кашле; бродягу, пьющего воду из сточной канавы; дворников, издевающихся над подбитой крысой... Иногда Блок отправлялся в варьете; после представления прихватывал какую-нибудь акробатку и вез ее на Караванную, в комнаты для свиданий. В кармане он всегда носил целую стопку визитных карточек и при знакомстве раздавал их случайным «барышням». Бедным девушкам нравилось барское обличье клиента: сюртук, утянутый в талии; одежда без малейшей складочки; гордо посаженная голова с копной вьющихся волос и чинный, немного надменный вид. Недруги-литераторы называли Блока «деревянным». Послушали бы, что говорят о нем «профессионалки», на три часа превращенные им в страстных и нежных любовниц! «Если бы ты даже был мазурик и тебя

и радость жизни, он пишет новые стихи. Люба занята собой — сцена, где она играет второстепенные роли, поклонники, гастроли... Блок невысокого мнения о талантах жены; он увлечен Волоховой...

Презирая старомодные условности, женщины отлично ладят между собой: Люба и Наталья — подруги. Окружающим это кажется диким и неприличным: Блоки превратили свою жизнь в театр, даже хуже — в балаган. Но Александру все равно. Какое значение имеет отдельно взятый горестный брак, если рушится все вокруг? Россия летит в пропасть, и лет через десять их всех смоев революционной волной...

...Поезд, отходя от московского перрона, дернулся, и в стоячий воздух вагона ворвался майский ветерок, полный вокзальных запахов. Александр вышел из оцепенения: когда-то думал, что уйдет на дно вместе со старым миром, но вот уже четвертый год революции, а он все еще барахтается на поверхности. Блок пе-

Блок после представления прихватывал какую-нибудь акробатку и вез ее на Караванную, в комнаты для свиданий

арестовали, я бы тебя всюду искала!» — клялись кокетки в постели. Они не знают, кто он, а Блок с ними забывает на какое-то время о гнетущей тоске и о том, что его рифмы утратили изысканность...

Однажды в позеленевших зеркалах ресторанный зала с незатейливыми обоями в голубых кораблицах он увидел Незнакомку... Цыганские скрипки провожают их до дверей, где уже ждут сани с меховой полостью. Стройная брюнетка с миндалевидными глазами и ослепительной улыбкой, жарко смеясь, улетает с ним в снежную метель. Воздух пахнет шампанским и ее духами. Дальше было все — слезы счастья, лживые клятвы и искренние поцелуи. Наталья Волохова, актриса театра В.Ф. Комиссаржевской, куда поступила и Люба, пробудила в Блоке неистовую страсть. Вновь почувствовав полноту

ременил позу, вытянул ноги. С 18-го года его все чаще мучают сильные боли в суставах и спине. Тело точит роковая постыдная болезнь — самая омерзительная из всех существующих, добавляя цингу, фурункулез, аритмию. А он должен заставлять себя работать: публика в Москве любит его стихи, но литературные вечера страшно утомляют. Какое уж тут чтение, когда и ходить-то трудно: пальцы ног забинтованы, поэт не в состоянии передвигаться без палки. Все чаще он впадает в состояние ступора. Как-то Блока нашли уснувшим на бульварной скамье; в другой раз бледный, с неподвижным взглядом, неузнаваемый, он внезапно застыл посреди комнаты. А ведь полгода назад ему исполнилось всего сорок! Однажды перечитывая свои старые стихи, он наткнулся на строчку «Как страшно мертвецу среди людей» и

Презирая условности, жена и любовница Блока отлично ладили между собой. Окружающим это казалось диким и неприличным

подумал: «Это обо мне». Год назад, в прошлый московский приезд, Блок принимали в Кремле Каменев с супругой. Прием, впрочем, был не слишком радушным. Александр понимал: его ценят за прошлые заслуги и знают, что в будущем от поэта ждать нечего. В кремлевских коридорах он впервые услышал популярный политический лозунг: «использовать людей, выжимая их, как лимон». Для Кремля он уже «выжат»... Один из функционеров именно так и высказался, не заметив, что Блок стоит неподалеку: «Блок — мертвец, его больше нет!» Но восторженная толпа считает иначе: поэта встречали рукоплесканиями полные залы, провожали морем цветов.

Блок прислонился лбом к холодному оконному стеклу, и по телу пробежала дрожь. Опять лихорадка... В темноте не видны до боли знакомые пейзажи — пустые поля, заброшенные усадьбы, убогие деревни, но он и так знает: всюду — лишь грязь, разложение, тлен. Интеллигенция не способна противостоять натиску невежества. Она вырождается, как тепличные растения. Взять хотя бы собственную семью. Дед умер в психиатрической лечебнице, отец явно унаследовал его душевную болезнь. Психическими расстройствами страдали мать и тетка. В окружении Блока за последнее время многие свихнулись. Да и его собственные сны — на грани безумия. Днем тоже все ужасает: грубые люди в лохмотьях на улицах и в трамваях, ругань прислуги. Но страшнее всего — смещение человеческой породы с неизвестными низшими формами. Чаще всего это проявляется в мужиках, оттого и в Шахматово Блок не может ехать. Бывший управляющий сообщил, что в библиотеке выломали дверь, надели барские кепки, забрали бинокли, ножи, медали, а потом подожгли имение... Сгорела его молодость. Можно смириться даже с сифилисом, но охамевший плебс снести нельзя. Это вырождение внушает страх. Только Люба по-прежнему образец жизнестойкости. Ее и теперь могут радовать самые простые вещи — вроде взбитых сливок с земляникой...

Незнакомка — актриса Наталья Волохова пробудила в Блоке неистовую страсть (1907 г.)

Блок вспомнил, как часы напролет стоял под кафельными сводами в передней родильного приюта. Неистребимый больничный запах насквозь пропитал воротник шубы, за дверью акушерка, переговариваясь с доктором, готовила для Любы ванну. Сверху неся неистовый вопль какой-то роженицы. Четыре дня длилась пытка; Любе сделали операцию — хлороформ, щипцы. Температура держалась под 40, она выжила чудом. А их сын — Любин сын — через неделю после рождения умер. Тогда, в феврале 1909 года, Блок переживал потерю сильнее, чем Люба. Помнится, узнав о том, что жена беременна — на гастролях у нее был роман с начинающим актером из их труппы — и аборт делать поздно, он читал Любе нотации: какую пошлость и гадость она совершила, но раз так, пусть ребенок будет и считается общим. В глубине души Александр надеялся, что младенец объединит их, он станет чаще видеть жену дома — Блок очень скучал, когда она уезжала.

Люба перестала искать шарлатанов по объявлениям в «Новом времени», а Блок за месяцы ожидания привык к мысли, что малыш и вправду его... Порвал письмо, в котором Люба писала о своей любви: «Я в первый раз на свободе. Это опьяняет, я захле-

В Петербурге Блок встретил свою последнюю любовь.

Любовь Дельмас пела в Театре музыкальной драмы (1915 г.)

денец. Уснуть Блок не мог — лежа задыбался, а сидя в неудобном вагоне можно только дремать. В полусне привиделся Биарриц, где они отдыхали с Любой. У него, как сейчас, болело ухо, и Буся, так он ласково называл жену, вставала ночью его лечить. Утром он смотрел из окна как она купалась. Люба любила воду и обычно заплывала далеко, но он вдруг почему-то испугался, что с ней может случиться беда, и бросился на пляж. Перескакивая через ступеньки, думал, что никогда не умел ее любить. «И все-таки — люблю, люблю, люблю!»

— твердил как молитву. Люба вышла из воды и, не посмотрев на него, заговорила с каким-то незнакомым купальщиком. Яркое светило солнце, у ног тихо плескались волны, за столиком в кафе раздавался смех, а он вдруг почувствовал дикую тоску. Именно за границей Блок понял, что нет места на свете страшнее России, но нигде, кроме России, он жить не сможет.

Родина встретила сплошными серыми тучами, мокрой платформой с двумя телеграфистами, одиноким солдатом с винтовкой за спиной да кричащей на ветер бабой. В Петербурге его поджидала последняя страсть — такая отчаянная, что Александр одно время думал: она затмит Любу. Даму тоже звали Любовью...

Любовь Дельмас пела в Театре музыкальной драмы. Блок увидел ее в роли Кармен и с первого взгляда безумно влюбился в высокую, худощавую, рыжеволосую женщину, в ее неповторимый низкий голос. Почти месяц безуспешно пытался познакомиться — выстаивал у подъезда, посылал цветы и письма. Наконец она ему ответила, и два года сжигающей любви незаметно перетекли в спокойную дружескую привязанность. Дельмас прислала Блоку на именины муки: дорогой, трогательный и унижающий подарок. Недавно он пытался вспомнить, сколько же было у него женщин — сто? двести? триста? «Всего две, — записал он в дневнике.

— Люба и все остальные».

Люба встретила Блока на вокзале, и они пешком отправились домой на

бываюсь. Не буду рассказывать тебе фактов. Знаю одно, что вернусь к тебе». Александр не хотел ничего знать, но позже жена выложила и факты. Блок слушал с каменным лицом: момент близости с этим актриской Люба назвала лучшим в своей жизни — никогда она не знала большей «полноты бытия»! Всю их совместную жизнь и душевное единение затмила краткая страсть к молодому хищному зверьку, малообразованному, не знавшему ни одного ино-

странный язык и по-русски-то изъяснявшемся с акцентом — харьковским комканьем слов... Временами жена казалась Блоку страшным, дурным, мрачным, низким существом, посланным мучить, уничтожать его и разрушать вечные ценности. А иногда милее всего было прошедшее, Люба — святое место его души. И чем-то она ему помогает — может быть, тем, что отняла?

В вагоне душно. Где-то рядом пили водку, били девочку, плакал мла-

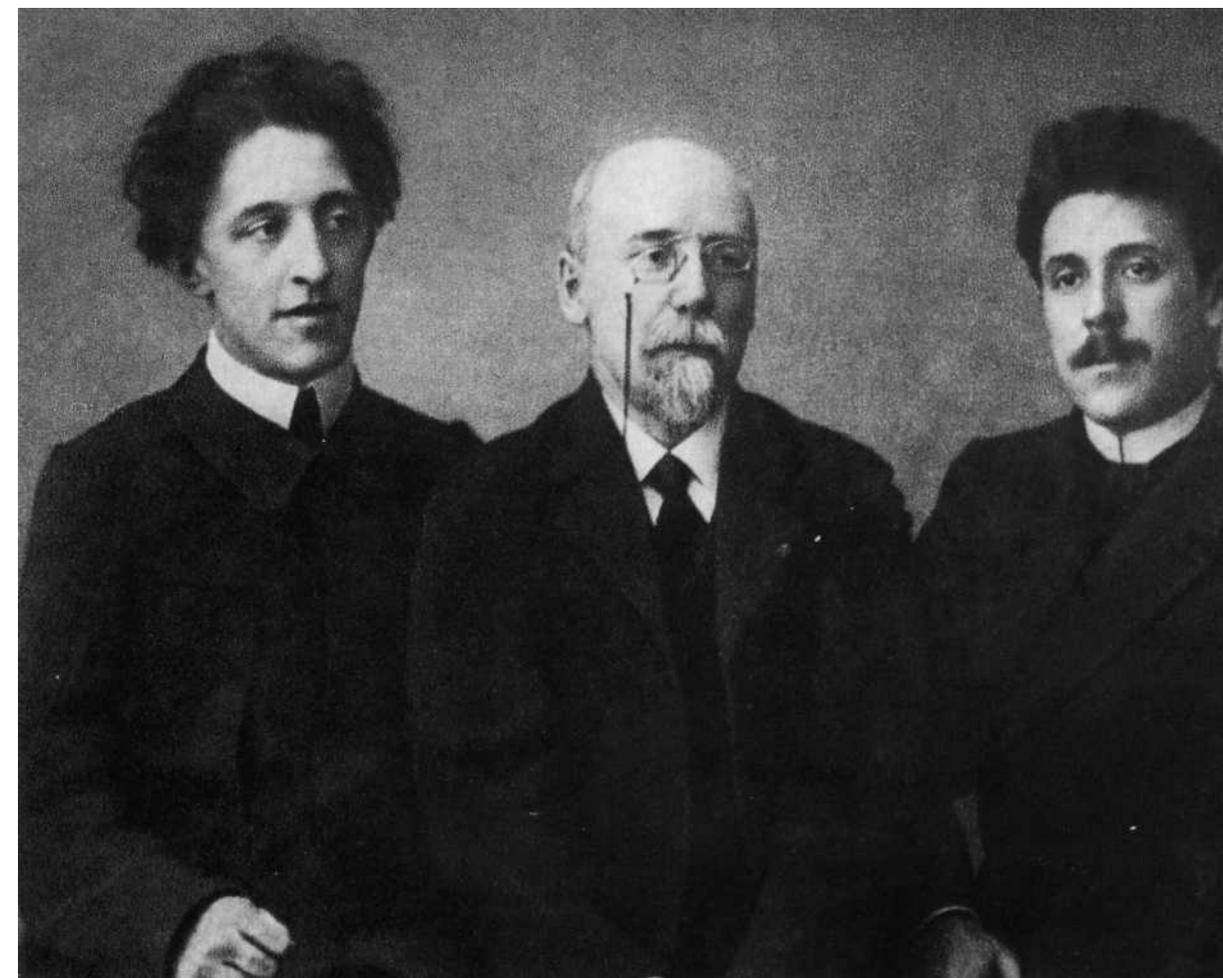
угол Пряжки. Он всегда выбирал место для жилья поближе к реке — сказывалась детская любовь к воде и кораблям. Из окон их квартиры открывался вид на нескончаемые доки балтийских верфей, Свято-Сергиевский монастырь и церкви Гутуевского острова. До моря рукой подать... Они с Любой медленно брели мимо разрушенных домов, срубленных деревьев по зарастающим травой проспектам. Навстречу прошла колонна солдат, распевавших песню, и Люба заметила, что Блока передернуло. Наверное, опять вспомнил «Двенадцать». Он давно не читает свою поэму, сколько его ни просят. Теперь при муже и слова о ней произнести нельзя, а ведь писал «Двенадцать» на одном дыхании. Три года назад ему казалось, что нашлась сила, которая спа-

сет Россию. Любу тоже захватила стихия революции. Она даже придумала строчку, которая Саше очень нравилась, — «Шоколад «Миньон» жрала». Поэма стала семейным заработком: каждый вечер Люба читала ее в кафе «Привал комедиантов», где собирались модные поэты и буржуазная богема. Ничтожные личности, сильно накрашенные женщины при-

ходили послушать «жену знаменитого Блока, продавшего большевикам». Кстати, большевикам поэма не нравилась из-за «устаревшего символа — Христа». Блока ругали со всех сторон, но надо было бороться буквально за хлеб насущный, поскольку его отсутствие Александр переносил очень тяжело. Полетело на рынок содержимое пяти сундуков Любиного

Два года сжигающей любви незаметно перетекли в дружескую привязанность. На именины Дельмас прислала Блоку в подарок... муку

Александр Блок, Федор Сологуб и Георгий Чулков (1908 г.)

С 1918 года поэт не написал ни строчки. Закончив «Двенадцать», он несколько дней ходил переполненный не то шумом, не то гулом, а потом... все смолкло. Божественной музыки стихов больше не было (Киев, 1917 г.)

бритым, в белом свитере с высоким воротником и не говорит о бытовых тяготах.

С 18-го года поэт не написал ни строчки. Закончив «Двенадцать», он несколько дней ходил переполненный не то шумом, не то гулом, а потом... все смолкло. Божественной музыки стихов больше нет. Он слышит только, как разгружают дрова, как жалуется мать и плачет жена, чистя селедку. Чтобы поддержать любимых женщин, Александр смастерил шуточные ордена «Революционная мама» и «Революционная Люба». Больше всего Блок мучит то, что он никак не может завершить «Возмездие» — а ведь поэма задумывалась как искупление грехов. Он бесконечно правит написанное, а до конца далеко. Видно, нет ему прощения. Все чаще накапывает жажда разрушения — Блок бьет зеркала, ломает мебель, а после шепчет, прижимаясь к Любе, как ребенок: «Что со мной, Бусенька? Помоги мне! Я знаю, что однажды во сне сойду с ума!» Доктора ставят диагноз — «психастения», настаивают на лечении в Финляндии, но поэт упорно не желает уезжать...

Блок выглядел страшно изможденным и за всю дорогу до дома ни разу не улыбнулся — такого прежде не бывало. «Вот и съела гнившая матушка-Россия, как чушка, своего поросенка», — тихо сказал Любе.

Через три месяца, 7 августа 1921 года, Блок умер, не приходя в сознание. С сильно поредевшими волосами, темной бородкой и седыми висками поэт стал неузнаваем. Последние дни его были ужасны — боли не прекращались, морфий не помогал, и он кричал непрерывно, днем и ночью. Все это время рядом с ним была одна Люба. В наступившей вдруг тишине она плакала на полу комнаты, в которой не осталось мебели — в ушах продолжал звучать Сашин голос...

Мария Некрасова

Фото: Государственный литературный музей

Поэма стала семейным заработком: Люба читала ее в кафе «Привал комедиантов», где собирались модные поэты и буржуазная богема

актерского гардероба, драгоценности, мебель, книги... Блок вынужден служить, чтобы получать паек; его избирают в разные комиссии; ино-

гда случается до пяти заседаний в день. Люди одеваются кое-как, перестали следить за собой; но Блок упорно продолжает ходить свежewe-